

Остров Сахалин

Кэрри Крокетт

Остров Сахалин, по своему контуру напоминающий огромного осетра, занимающий 30 тысяч квадратных миль и расположенный к северу от Японии, использовался царским правительством в качестве каторжной колонии с 1868 по 1905 гг.

Являясь последним тюремным комплексом, построенным на окраине государства при династии Романовых, колония стала своеобразным символом неудачных попыток реформы пенитенциарной системы в эру поздней Российской империи.

В течение всего девятнадцатого века распространение идей эпохи Просвещения об исправлении преступников и недоступности тела осужденного для наказания привело к формированию тюремного пространства нового типа в Европе, Африке и некоторых уголках Азии. Представители России активно принимали участие в международных обсуждениях реформы уголовно-исполнительной системы, в результате которых в империи были предприняты попытки изменения пенитенциарной политики в Европейской России и на Дальнем Востоке. Множество русских тюрьмоведов, например, В.И.Власов, с энтузиазмом верили в то, что каторжная колония, основанная на девственной почве Сахалина, может стать еще одним Mettreу.

Утверждение Александром II Сахалина в качестве нового ссыльного пункта основывалось на ожиданиях того, что тюремное поселение послужит сразу несколько практическим, имперским целям. Во-первых, отдаленное расположение острова могло эффективно способствовать отделению опасных преступных элементов от обыкновенных сибирских колонистов. В то же время, освоение этой окраины улучшало позиции России в качестве полноценного торгового партнера на азиатских рынках. Географическая близость Сахалина к Японии, Китаю и Маньчжурии, казалось, идеально позволяла увеличивать экономическое присутствие России в стремительно расширяющихся торговых связях Дальнего Востока.

Сахалин как место заключения

Тем не менее, Сахалин так и не выполнил толком ни одну из возлагаемых на него задач на протяжении 40 лет его существования в качестве каторжной колонии. Те способы, которыми управлялся остров мало способствовали сохранению репутации России как великой державы или как надежного торгового партнера. Еще меньше колонии удалось послужить целям исправления преступников. Стремления к человечности, исправлению и просвещению, которые вдохновляли создание французской Mettereу или инициативу по отмене смертной казни в Великобритании, открыто презирались на Сахалине, если верить свидетельствам заключенных, собранным русским журналистом Власом Дорошевичем, который посетил остров в 1898 году и интервьюировал там множество арестантов.

Описания Дорошевича, Антона Чехова и других очевидцев рисуют остров жестоким местом заключения, где разложившаяся тюремная администрация распорядилась судьбами арестантов-каторжников, почти не заботясь о справедливости, и где ссыльные поселенцы с трудом пытались выжить, несмотря на недостаток жилищ, пропитания и других необходимых

вещей. Подобные критические наблюдения, принявшие форму газетных статей и монографий, широко циркулировали по России и Европе, способствуя устоявшейся репутации Сахалина в качестве самой страшной каторги Российской империи.

Чехов и другие наблюдатели замечали, что географическое положение Сахалина по отношению к остальной части страны существенно повлияло на одиозное представление о нем как о самой страшной штрафной колонии России. С Охотского моря постоянно напоздали туманы, бураны и почти непрекращающиеся дожди, которые лишь усиливали ощущение меланхолической оторванности от остальной империи. И заключенные, и сотрудники тюремного ведомства в равной мере чувствовали, что им приходится жить на всеми забытой окраине. Узники сибирских тюрем признавались американскому исследователю, Бенджамину Говарду что им сильно повезло, поскольку их не отправили на край света к их неминуемой гибели, на Сахалин.

Путешествие на Сахалин

Осужденные достигали острова или длительным пешим переходом, или морем. Этапный путь из Европейской России на Сахалин через Сибирь (в том числе и по Амурской колесной дороге) занимал от 18 до 24 месяцев. На время пути арестанты часто заковывались вместе группами от 8 до 10 человек. Данное обстоятельство замедляло путешествие и вызвало сильнейшие мучения для пересылаемых пешим порядком. Конвои находились в пути зачастую несколько дней подряд, останавливаясь для ночевки в специальных пересыльных тюрьмах, этапах, выстроенных по пути движения ссыльных партий.

Вместе с ними в дорогу часто отправлялись члены семей, или так называемые добровольно следующие за ссыльными, которые изъявили желание пойти за ними в изгнание, обрекая себя на тяготы тяжелейшего пути. Этапные здания, как правило, были очень далеки от того, что можно было назвать комфортным местом для отдыха. Группы добровольно следовавших за ссыльными женщин и детей спали в лохмотьях вместе с убийцами, насильниками, ворами и умирающими на вшивых и грязных нарах. Большие деревянные кадки служили в качестве общего туалета. Этапы превращались в рассадник разврата и болезней. Зачастую во время пути на Сахалин умирало больше ссыльных, чем достигало берегов острова.

Перевозка заключенных на Сахалин морским путем началась в 1879 г. Заключенных погружали на корабли Добровольного Флота в Одессе; затем путь морского тюремного конвоя лежал через Суэцкий канал с остановками в Цейлоне, Сингапуре и Нагасаки, пока, наконец, корабль с каторжанами не достигал острова.

Несмотря на то, что морем добираться до Сахалина приходилось только 9 месяцев, по контрасту с двумя годами пути по суше, плавание было далеко не легким.

Ссыльных запирали в специально оборудованные камеры со стальными решетками под палубой, где часто было невыносимо жарко, отсутствовали туалеты, достаточное количество воды и продовольствия. Многие арестанты сильно страдали от болезней или умирали от сердечных приступов. На случай мятежа перевозимых заключенных корабельная команда держала наготове на верхней палубе шланги с кипятком.

Жизнь заключенных на Сахалине

Между 1868 и 1905 годами более чем 30 тысяч политических и уголовных заключенных и ссыльных отбыли свой срок на Сахалине. Тюремное население было крайне разнообразным и включало в себя большую часть этнических групп, населяющих исполинскую Российскую империю, и даже европейцев, осевших на русской почве, в том числе и приволжских немцев.

Арестанты на Сахалине были и мужского, и женского пола, молодые и старые. Они говорили на 25 языках и исповедовали все возможные религии. Кое-кто из более богатых мусульманских политических ссыльных выделил средства на строительство суннитской и шиитской мечетей; другие помогали в постройке зданий культа для православных, старообрядцев, евреев и протестантов. В 19 веке заключенные на Сахалине имели куда больше религиозной свободы, чем вольное население Европейской России.

Политические ссыльные составляли особую категорию заключенных Сахалина. Большинство участвовало в общественно-политических движениях против самодержавия (декабристы, народовольцы, польские и казачьи повстанцы). Политических содержали отдельно от уголовных заключенных, и надзор за ними был намного слабее, чем за обычными преступниками. Им часто удавалось совместно снимать частные дома, которые не охранялись. «Политики» на Сахалине состояли в книжных клубах, посещали общественные мероприятия и сами искали себе средства к существованию.

Те из них, кто демонстрировал дисциплинированность и соблюдал инструкции и правила внутреннего распорядка каторжной колонии, обычно имели разрешение свободно перемещаться по острову, даже из города в город. Политические ссыльные получали скромные ежемесячные пособия, хотя большинство и работало для того, чтобы как-то свести концы с концами. Лев Штернберг, один из многих этнографов, отбывающий срок на Сахалине, давал лекции по своей специализации. Его приглашали на самые изысканные вечера, устраиваемые администрацией острова. Штернберг даже писал и публиковал газетные репортажи, где позволял себе открыто критиковать тюремную администрацию.

Общеуголовные арестанты классифицировались в соответствии с серьезностью совершенного преступления- эти нюансы и обеспечивали характер их заключения. Заключенные, считавшиеся очень опасными (людоеды или серийные убийцы), обычно получали пожизненную ссылку в каторжные работы, что означало тяжелый труд в шахтах, на лесозаготовках и крепостных работах для военного ведомства. Как правило, их помещали в тюремные камеры в течение первых двух лет отбытия наказания на Сахалине. После окончания этого срока узникам разрешали работать в сельской местности и возвращаться на ночь в стены тюрьмы или спать прямо на месте работы.

Заключенные, которые совершили менее серьезные преступления (кража, поджог, разбойное нападение) трудились в качестве сельскохозяйственных работников, рыбаков или в мастерских, где они занимались производством товаров для потребления в самой колонии и торговли с Японией. Ссыльные этой категории традиционно жили в избушках целой общиной от 12 до 25 семей.

Все общеуголовные заключенные Сахалина, как правило, обладали полной свободой в вопросе улучшения их жизненных условий. Те из заключенных, кто жил в соответствии с установленными правилами, сохранял хорошие отношения с начальством и не совершал новых преступлений, могли после двух лет получить статус «ссыльнопоселенца». Эта категория ссыльных была свободна в выборе сожителя, получала право заниматься торговлей,

предпринимательской деятельностью или наниматься к третьим лицам в соответствии со своими способностями и склонностями; кое-кто становился служащим в тюремной администрации.

Таким образом, заключенный, который по прибытии на остров классифицировался как каторжник, имел шанс прекратить вести традиционную тюремную жизнь после двух лет, переехать жить в собственное жилище и попытаться счастья в земледельческих работах, разведении скота или других промыслах. Большая часть ссыльных жила в условиях ужасающей бедности, но в то же время они все-таки находились вне тюремных стен и почти без всякого надзора. Некоторые из ссыльнопоселенцев достигали достаточно высокого экономического положения и имели серьезные доходы, основывали свои собственные компании, торговали с японцами и китайцами и нанимали рабочих. Когда срок заключенного подходил к концу, ссыльные переходили в категорию свободного состояния и тем самым получали право вернуться в материковую Россию, хотя европейская часть страны по-прежнему оставалась для них закрытой.

Как и в сибирских тюрьмах, большая часть тюремного населения Сахалина состояла из мужчин. В попытке поддержать колонизацию отдаленной окраины империи и создание новых семей в 1880-е годы Главное Тюремное управление попыталось выровнять сахалинскую пропорцию 16 мужчин на 1 женщину, посылая на остров женщин, осужденных не только за тяжкие и особо тяжкие, но и за более легкие преступления. К 1897 году пропорция между мужчинами и женщинами в колонии упала до 2.7 к 1 в общеуголовном сегменте жителей острова и до 3.3 к 1 среди политических ссыльных.

Заключенные-женщины обычно становились сельскохозяйственными работницами, личными помощницами чиновников, домашней прислугой или сожительницами.

Мужчины-каторжане, находившиеся в хороших взаимоотношениях с администрацией, также имели право выбирать себе женщин-сожительниц среди новоприбывших. Также как и в других штрафных колониях, Сахалин стал местом повального разврата, где проституция превратилась в распространенное занятие для молодых женщин. Ссыльнопоселенцы часто отдавали в проститутки своих дочерей, чтобы подзаработать или получить еды. Во время своего путешествия по Сахалину, Чехов наблюдал девочек 12 лет, работающих проститутками.

Заключение

Хотя тюремный комплекс на острове Сахалин в свое время получил известность как один из самых новых русских пенитенциарных центров, его администрации так и не удалось эффективно разместить, трудоустроить, снабдить всем необходимым и исправить ссыльных обитателей острова. Неудачи сахалинской штрафной колонизации повторяли похожие проблемы в Томске, Каре, Камчатке и других регионах Сибири, куда ссылали каторжников. Заключенные на Сахалине не получали должного трудового образования, позволявшего им качественно выполнять порученную им работу, в результате арестанты справлялись с «уроками» плохо, подрывая надежды имперской администрации о создании процветающей каторжной колонии на Дальнем востоке. Бесконечные махинации и безразличие администрации также провоцировали непоследовательную политику по отношению к каторжной колонии, которая в свою очередь создавала благодатную почву для коррупции. Когда в 1905 году Япония победила Россию и последние заключенные Сахалина были

эвакуированы, многие из них полагали, что они наблюдали за гибелью самой коррумпированной каторжной колонии Империи.

Литература для дальнейшего чтения.

John J. Stephan, *Sakhalin: A history* (Oxford: Clarendon Press, 1999).

Anton Chekhov, *Sakhalin Island*, retranslated by Brian Reeve (London: Alma Classics, 2013).

Vlas Doroshevich, *Sakhalin: Russia's penal colony in the Far East*, translated by

Andrew A. Gentes (London and New York: Anthem Press, 2011).